

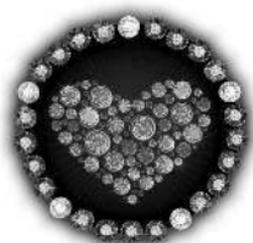
**БРИЛЛИАНТОВАЯ
ЛИХОРАДКА**

**БРИЛЛИАНТОВАЯ
ЛИХОРАДКА**

АННА И СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВЫ

**Все девушки
любят
бриллианты**

Москва

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

В коллаже на обложке использованы фотографии:
Subbotina Anna, bensliman hassan, Ola-ola, owncham,
Prapann / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Литвинова, Анна Витальевна.

Л64 Все девушки любят бриллианты : [роман] /
Анна и Сергей Литвиновы. — Москва : Изда-
тельство «Э», 2015. — 320 с. — (Бриллиантовая
лихорадка).

ISBN 978-5-699-84505-7

Москвичка Таня Садовникова, умница и красавица, однажды получает невероятное письмо из Парижа. Двоюродная бабушка, княжна Фрайбург, сообщает, что в окрестностях черноморского города спрятан чемодан с золотом, драгоценностями, картинами русского авангарда... Татьяна отправляется на поиски сокровищ. Однако в тот момент, когда она открывает заветный чемодан, за ней начинается настоящая охота. Пытаясь скрыться, она колесит по югу России. Но ее преследуют не только бандиты и властные структуры... На хвосте еще одна, неведомая и загадочная «третья сила»... Ища спасения, Татьяна пытается затеряться то на улицах шумного Стамбула, то среди влюбленных парочек Парижа...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Литвинова А.В., Литвинов С.В.,
2015
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

ISBN 978-5-699-84505-7

Данное произведение является плодом фантазии авторов. Всякое совпадение или же сходство с реальностью имен, названий, характеров и обстоятельств романа является абсолютно случайным и остается целиком и полностью на совести читателя.

Он накинул черный шелковый халат и спустился на первый этаж в библиотеку. Присел к компьютеру. Пальцы забегали по клавиатуре. Пароли, единожды взломанные, открывались легко.

Компьютеры НАСА не заметили несанкционированного вторжения.

К бесчисленному количеству сигналов, которыми непрерывно обменивались компьютер в центре управления полетом в Хьюстоне и спутник-шпион HGS-1, добавился еще один.

HGS-1, находящийся на геостационарной орбите на высоте 36 000 километров над Землей, словно висел неподвижно над одной точкой европейской части России. Его антенны, фиксирующие радиоизлучение, были направлены вертикально вниз. Теперь HGS-1, повинуясь командам из центра, начал наблюдение еще за одним объектом.

Данные этого наблюдения не фиксировались в памяти ЭВМ НАСА. По компьютерным сетям они уносились за тысячи миль от Хьюстона — в частный особняк с наглухо зашторенными окнами.

Человек в шелковом халате вглядывался в огромный монитор.

Его длинные пальцы пробежали по клавишам. Он увеличил масштаб. Основную часть экрана заняла Московская область. Человек выбрал район и увеличил его изображение. Масштаб стал максимальным. Теперь весь экран занимала Москва. На мониторе появились расчерченные компьютером с удивительной точностью улицы русской столицы. Стала отчетливо видна светящаяся точка. Объект двигался, следуя от центра Москвы к окраине. Скорость движения составляла около 60 километров в час — данные высветились в правом углу экрана.

Куда это она? В Москве сейчас полпятого утра. Куда она может ехать в столь ранний час? Одна ли она? Что-то похожее на ревность кольнуло его сердце.

Чепуха какая.

Светящаяся точка остановилась на окраине Москвы. Он попытался разглядеть нанесенное на карту название улицы. Кажется, она здесь живет. В самом деле — сигнал прекратил движение... Она — дома...

Ну что ж, спокойной ночи, дорогая...

На карте не происходило больше никаких изменений. Светящаяся точка застыла в юго-восточном углу экрана. Рядом на карте начинался парк. Наверно, в Москве сейчас поют соловьи...

Он быстро вышел из программы.

Его вторжение в сеть НАСА осталось, как всегда, никем не замеченным.

* * *

Таня вернулась домой под утро.

Солнце еще не взошло, но уже светало, и из парка напротив ее дома доносились трели первых соловьев. Стелющийся туман означал, что день будет солнечным — прекрасный день раннего московского лета. Ее дом, как и дома рядом, еще спал. Скоро люди проснутся и заспешат на работу. А ей на работу не нужно — и это на все лето.

Таня бесцельно побродила по квартире. В голове и во всем теле еще чувствовалось легкое возбуждение, вроде озноба. Так всегда бывает после ночи танцев в клубе. Что-то пьянящее — хотя выпила она только два некрепких коктейля. Зато сколько музыки, сколько мужского внимания, сколько внутренней свободы... И слава богу, подумала Таня, что ты никого не привела сюда. И ни с кем не поехала. После безумной ночи хорошо побыть наедине с соловьиными трелями за окном, с уютной квартирой, с самой собой...

Таня стянула кофточку и швырнула ее в стирку. Бродя по своей квартирке, расстегнула лифчик. Задержалась у зеркала. «Ах, как я хороша!» — подумала она и засмеялась.

Спать не хотелось, но она знала, что едва уляжется — тут же провалится в тяжелый и глубокий сон. Таня оттягивала этот момент. Ей жаль было расставаться с собой, такой красивой и возбужденной, и с этим прекрасным утром.

От нечего делать она включила автоответчик. На табло высветилось семь звонков. Первый. Бро-

сили трубку. Наверняка — Печальный Гарик. Проверяет ее и боится в этом признаться.

Второй:

— Танюшечка, это я. Свет очей моих, солнце души моей, соизволь позвонить мне, счастье мое. Припадаю к твоим коленям!

Димка. Нет уж. Ему она звонить не будет. Появляется из ниоткуда, осыпает цветами, обволакивает красивыми словами, проводит ночь, а наутро исчезает. Исчезает в никуда. И не появляется месяц, а то и два. Хватит, Димочка. Я тебе не девочка по вызову — звонить, когда тебе приспичит. Я — современная женщина. И я выбираю — сама. И выбираю — не тебя.

Таня сбросила юбку и трусики и прошла на кухню совсем голенькая. Огромное зеркало в коридоре услужливо отразило ее точеную фигурку.

Автоответчик орал на всю квартиру.

— Это я! Таня, возьми трубку! — звучал командирский голос ее матери. — Тебя что, нет дома? Как вернешься, срочно позвони мне! Слышишь — срочно!

Еще звонок. И снова — мама.

— Таня, ты что, еще не вернулась? Как вернешься, сразу же перезвони! Есть важные новости! Таня, перезвони тут же! Поняла?

Какие там у нее важные новости? На работу ее взяли, что ли?

Даже если бы Таня вернулась не в шесть утра, а в одиннадцать — все равно тут же, немедля, перезванивать бы не стала. Знаем мы эти новости. Опять впечатляющая победа в тяжбе с очередным магазином. Или — того хуже — встретила она свою

институтскую подругу, у которой «сын — такой прекрасный мальчик: умный, интеллигентный и неженатый...». Мама страшно переживала, что Таня — в ее-то двадцать пять лет! — до сих пор не вышла замуж.

На автоответчике был еще один звонок от страховщицы, она просила не забыть, что приближается срок очередного взноса за Танину машину. И опять — мама. Вот ведь упорная женщина!..

Ничего. Потерпит, пока Таня проснется.

Таня решительно стерла все записи и отключила телефон: ведь мать будет названивать с самого утра. Потом разобрала постель и нырнула под скользкую ткань пододеяльника. Соловьи в парке распевали уже всюю.

Таня понежилась в постели. Впереди три месяца ничегонеделания. Сперва отпуск. Потом — два месяца за свой счет. А с сентября — учеба в Беркли. Таня и хотела, и не хотела этого. Два года под пальмами Калифорнии. Два года вдали от Москвы. Зато через два года она сможет писать на визитках приставку «Dr.». Доктор Танька! Во будет приколот!

«Интересно, там, в Калифорнии, соловьи есть?» — подумала она, засыпая, и засмеялась...

* * *

Ну что за дрянная девчонка!

Три раза ведь сказала ей на автоответчик — позвони, позвони срочно, в любое время, — а ей хоть бы что! Вернулась, наверно, под утро, а те-

перь дрыхнет там у себя. А уже — кошмар! — полвторого. Ну что за безалаберная девчонка! Нет, в ее годы Юлия Николаевна такого себе не позволяла.

Юлия Николаевна задумалась: а что она, собственно, могла себе позволить в Танином-то возрасте?..

Когда ей было двадцать пять, Танюшке было уже три годика. К восьми утра она тащила ее в садик. Сама мчалась на работу.

Она была младшим научным сотрудником с окладом 120 рублей. И еще — заместителем секретаря комсомольской организации института. Огромного научного института. Только в комсомольской организации было семьдесят человек. И еще она заканчивала заочную аспирантуру. И писала диссертацию. Домой возвращалась за полночь. Слава богу, мама, Анна Николаевна, еще была жива.

Она перетащила маму в Москву из их родного Ростова.

Бабушка забирала Танюшку из садика. Кормила ее. Купала. Рассказывала на ночь сказки...

Юлия Николаевна возвращалась, когда Танечка уже спала. И хорошо, что спала, — на ребенка у мамы просто не было сил... А жили они втроем в комнате в общежитии-малосемейке. Удобства — в конце коридора. И никакой личной жизни.

«А эта? — подумала Юлия Николаевна о дочери. — В ее-то двадцать пять — своя квартира. Работа, на которой Таня гребет деньги лопатой. Пижонская иномарка... Но разве не об этом ты мечтала, — спросила себя Юлия Николаевна, —

когда пробивалась в Москву? Когда цеплялась за столицу руками и зубами? Разве не ты мечтала, чтобы дети твои были избавлены от борьбы за выживание? От «покорения столицы»?.. Об этом мечтала, об этом».

А все равно было обидно. И еще она немного завидовала дочери. Хотя, надо признать, всех своих успехов: квартиры, машины, денежной работы — Таня, как в свое время Юлия Николаевна, добилась сама. Никто ей не помогал. Да и чем Юлия Николаевна могла помочь! Разве что привить дочери свои лучшие качества: целеустремленность, силу духа, волю к победе... Но вот так бессовестно относиться к матери она ее не учила. Ей нужно посоветоваться с Таней, поделиться с ней — а та бессовестно дрыхнет. А ведь уже полвторого.

* * *

Юлия Николаевна уже два года как была уволена по сокращению штатов из своего НИИ. Весь ее отдел, работавший на «оборонку», оказался никому не нужен. Не помогли ни кандидатская степень, ни месткомовский опыт.

Сначала Юлия Николаевна решила: обходятся без меня — ну и пусть. Я всю жизнь ишачила, теперь могу расслабиться. Тем более что на бирже труда ей платили три четверти ее последнего (довольно-таки приличного) заработка. Остались и кое-какие накопления от продажи дачи — хибары в очень дальнем Подмоскowie.

И Юлия, словно пенсионерка, решила насладиться блаженным покоем. Она радовалась тому,

что могла спокойно посмотреть «Жестокий романс», который почему-то показывали с часа до трех ночи, и потом проспать до полудня. Радовалась тому, что не надо вздрагивать от воя будильника в семь утра, собираться в спешке на работу, а можно спокойно спать сколько хочется.

Она вдоль и поперек изучила Третьяковскую галерею, которую как раз открыли после долгой реставрации. Изучила обстоятельно, выделяя на каждого крупного художника по целому дню. Ходила в театры и на симфонические концерты.

Приглашала в гости подружек и баловала их тщательно продуманным меню и любовно приготовленными яствами...

Но через несколько месяцев Юлия Николаевна отчаянно заскучала.

Оказалось, что телевизор, если его смотреть сколько хочется, быстро надоедает. Театры, концерты и выставки — тоже. Да и подруги — чего там нового они расскажут?

Мужа — как, впрочем, и любовника — у Юлии Николаевны не было. И не хотелось заводить... Таня выросла. И считала себя *абсолютно взрослой*. Она решительно отвергла мамино предложение жить вместе, а вторую квартиру сдавать: «Это, мамми, у тебя нет личной жизни, а я нуждаюсь в отдельной жилплощади». Жестоко сказано. Таня могла быть жестокой к матери, сама не замечая того.

Не обрадовалась Татьяна, даже когда Юлия Николаевна предложила приходить к ней и готовить ужины, — сказала, что у нее «иные кулинарные пристрастия». Таня явно решила «держаться

дистанцию». И сделать с этим мама ничего не могла.

Появилось жутковатое чувство собственной не востребованности. Своей никому ненужности.

Ненужности ни дочери. Ни мужчинам. Ни Родине.

Юлия Николаевна просыпалась в своей квартире. Читала. Смотрела телевизор. Звонила подругам — а подруг было у нее множество. Время проходило, словно в поезде, когда надобно просто дождаться конечной остановки. Но Юлия Николаевна понимала, *какая* в ее случае будет конечная станция...

А ведь ей всего 47 лет. Она стройна. Она хороша собой. Подумать только: всего десять лет назад, после развода, ей казалось, что вся жизнь еще впереди...

На бирже труда стали платить все меньше. Скоро эти выплаты и вовсе должны были закончиться. Кроме того, народу там заметно прибавилось, и для того, чтобы попасть на прием к «своему» инспектору, Юлии Николаевне приходилось раз в неделю вставать в четыре утра.

«Биржевой» день был для нее просто адом. А работу там предлагали несерьезную. Инженер с двадцатипятилетним стажем, кандидат наук, оказался нынче никому не нужен. Предлагали работу курьера за четыреста рублей в месяц. Машинистки — за восемьсот. Санитарки — за двести... А пуще всего требовались водители автобусов, каменщики, маляры... Все это выглядело как издевательство. Пока еще оставались, правда, сбережения от дачи. Они плюс скромное пособие

плюс режим жесткой экономии помогали держаться. Да и Таня порой подбрасывала денжат...

Но все равно, — сидя в надраенной до блеска квартире, Юлия Николаевна кропотливо просматривала все газеты, где предлагалась хоть какая-то работа. Она несколько раз сходила на презентации, которые устраивали вербовщики «гербалайфа» и косметики, и чуть было не ввязалась в это дело — слава богу, дочка отговорила. Закончила краткосрочные курсы бухгалтеров — и с ужасом обнаружила, что все равно никогда не сможет сама составить баланс. Годы уже не те, чтобы вот так, запросто, в несколько месяцев освоить новую профессию.

Почувствовать свою востребованность Юлии Николаевне помог случай.

Теперь она, разумеется, покупала продукты на оптовом рынке. У нее появилось время делать покупки более обстоятельно. Подозрительные по качеству товары она относила в СЭС. Если чувствовала недовес — на контрольные весы. И практически всегда ее подозрения сбывались.

Юлия Николаевна принялась бороться с нечистыми на руку продавцами. Как опытный управленец, она знала, по каким инстанциям надо ходить и что нужно делать, чтобы обычной *кляузе* был дан законный ход. Она писала, порой получала в ответ отписки, снова писала, теперь уже в вышестоящую инстанцию. И добивалась своего. Брала упорством, грамотными текстами, тем, что ее письма выглядели солидно — набранные на компьютере, с описью прилагаемых вложений (копия чека, копия заключения СЭС...).

Несколько палаток на рынке закрыли по результатам проверок писем Юлии Николаевны. Заодно построили стоянку для грузовиков — она несколько раз обращалась в мэрию в связи с тем, что фуры создают пробки на их узкой улице.

Дочь восхищалась мамиными талантами. Кроме того, она радовалась тому, что Юлия Николаевна, слава тебе, господи, при деле и не лезет в ее, Танину, личную жизнь. К тому же мамина бурная деятельность приносила ощутимую пользу и ей.

Более всего Таня была рада так называемому «меховому процессу».

В октябре она купила себе песцовую шубу. В ноябре начала ее носить. Оказалось, что мех песка хорош всем — кроме того, что оставляет на одежде огромное количество ворса. Не только синтетические колготки, но даже хлопчатобумажные джинсы мгновенно покрывались густым слоем белой шерсти.

Таня сунулась в магазин сама, пытаясь шубу вернуть или поменять, но там ее подняли на смех: «Да вы что, девушка?! Надо было смотреть, что берете!»

Тогда за дело взялась Юлия Николаевна. Пообщавшись с несметным количеством чиновничьих инстанций — от комитета по защите прав потребителей до лицензионной палаты, — она добилась-таки своего. Ей удалось доказать, что шуба некачественная, и директор магазина, которого замучили проверками, лично звонил ей домой, умоляя прийти, сдать товар и получить назад все — все до копейки! — деньги.